

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Бокал
шампанского

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Тодхантер Стаут

Бокал шампанского

Серия «Ниро Вульф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122740

Бокал шампанского: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21105-6

Аннотация

Ниро Вульф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На ежегодный благотворительный прием у миллионерши приглашены несколько девушек, родивших детей вне брака, и такое же количество молодых людей, и среди них Арчи Гудвин. В перерыве между танцами одна из девушек, выпив шампанского, умирает. При этом многие знают, что она постоянно носит с собой пузырек с ядом. Полиция и все гости считают это самоубийством, и только Гудвин настаивает на том, что девушку убили. Вульф берется за дело, чтобы доказать правоту Арчи...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Рекс Стаут

Бокал шампанского

Rex Stout

CHAMPAGNE FOR ONE

Copyright © 1958 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© К. М. Королев, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Если бы не дождь и ветер тем промозглым мартовским утром, во вторник, я бы наверняка отправился в банк, чтобы обналичить пару чеков, и Остин Байн до меня бы не дозвонился. Пришлось бы ему искать кого-нибудь еще. Впрочем, сомневаюсь. Думаю, он перезвонил бы позже, так что не стоит, пожалуй, винить во всем погоду. В общем, все вышло так, как вышло: я сидел в кабинете, смазывал пишущую машинку и два «марли» 38-го калибра, на которые у нас имелись разрешения, из одной и той же банки с маслом. Зазвонил телефон, я снял трубку и ответил:

– Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин на проводе.

– Привет. Это Байн. Мозгляк Байн.

Вам-то хорошо, вы это читаете, а я на слух ловил – и не поймал. Мне показалось, в трубку заквакала подыхающая лягушка.

– Лучше прокашляйтесь, – посоветовал я. – Ну или чихните, а потом представьтесь снова.

– Не поможет. Трубы забиты насмерть. Трубы. Забиты. Понял? Это Байн говорит. По буквам разберешь? Б-а-й-н.

– А-а, здорово! Не спрашиваю, как жизнь. По твоему голосу все сразу ясно. Сочувствую, приятель.

– Спасибо. Мне кое-что от тебя нужно. – Теперь его речь звучала чуть разборчивее. – Я нуждаюсь в помощи. Окажи

услугу. Для меня это чертовски важно!

Я скорчил гримасу:

– Поглядим. Лишь бы со стула вставать не пришлось и зубами рисковать.

– Ничего такого. Ты ведь знаешь мою тетушку Луизу? Миссис Роберт Робилотти?

– По делам пересекались. Мистер Вулф ей как-то помог, нашел потерянные драгоценности. Ну она наняла его, работал я, конечно, и мы с ней не сошлись характерами. Ей не понравилось одно мое замечание.

– Ерунда! Она быстро забывает такие мелочи. Полагаю, ты слышал о званых вечерах, которые она устраивает ежегодно в день рождения моего дядюшки Альберта, да покоится он с миром.

– Еще бы. Покажи мне того, кто не слышал.

– Отлично. Очередной прием сегодня, ровно в семь. Мне велено развлекать гостей, но куда я гожусь с такой-то простудой? Тетка разозлится как не знаю кто, если выяснится, что нужно срочно искать замену, но я собираюсь ей позвонить и сообщить, что уже подыскал достойного парня вместо себя. Некого мистера Арчи Гудвина. Кстати сказать, ты всегда умел вести себя в свете, не то что я. Она тебя знает, твое дерзкое замечание давно забыто после доброй сотни моих, которыми она возмущалась, и с дамами ты прекрасно ладишь. В общем, черный галстук, ровно в семь, адрес тебе известен. Когда я позвоню тетке, она, естественно, пере-

звонит тебе, чтобы удостовериться. Ради ответа вставать со стула тебе не придется, а за столом, уж поверь, не подадут ничего такого, обо что можно обломать зубы. У моей тетки прекрасный повар. Господи, сам не верю, что сумел произвести все это! Ну так что, Арчи?

– Думаю, – рассудительно произнес я. – Потерпи еще чуток, раз уж дергаешь меня в последний момент.

– Извини, но я надеялся, что успею оклематься. А сегодня утром глаза открыл и понял, что не успел. Я тебя тоже однажды выручу.

– Это вряд ли. У меня нет тетки-миллионерши. Сильно сомневаюсь, что она забыла мои слова, я тогда изрядно надерзил. А что, если она меня забракует? Снова позволишь, скажешь, что все отменяется, потом кинешься искать кого-нибудь другого, охрипнешь окончательно, а я на тебя крепко обижусь.

Разумеется, я просто тянул время, отчасти потому, что мне хотелось кое-что для себя прояснить. В его насморке с кашлем ощущалось какое-то притворство. Когда у тебя забита носоглотка, ты все равно четко выговариваешь свистящие звуки, как в словах «семь» или «цепь», а Байн изображал пришептывание, да и там, где обычно гундосят, как-то чересчур старался. Короче, я заподозрил, что он меня дурачит. Вдобавок не будь я самого высокого мнения о себе, то задался бы вопросом: а с какой, собственно, стати меня выбрали в заместители? Нас с Байном закадычными друзьями

не назвать. Правда, это пустяки. Если ты себя ценишь как надо, то разыграешь удивление, когда тебе позвонит председатель коллегии выборщиков и скажет, что его партия решила выдвинуть тебя в президенты Штатов, но на самом-то деле ничуть не удивишься.

Помучил я его ровно столько, чтобы убедиться, что простуда не более чем выдумка, а затем согласился. Признаюсь, эта вечеринка меня манила. Новый опыт, как ни крути, который расширит мои познания относительно человеческой природы. Заодно пощекочу себе нервишки, потолкаюсь среди чопорной публики, посмотрю, как они себя поведут. И проверю, как буду чувствовать себя сам. Так что я пообещал сидеть на месте и дожидаться звонка тетушки Луизы.

Звонок раздался меньше чем через полчаса. Я как раз закончил смазывать оружие и укладывал револьверы в ящик письменного стола. Когда я снял трубку, знакомый женский голос сообщил, что звонит секретарь миссис Робилотти и что миссис Робилотти желает поговорить со мной.

– Снова насчет ее бриллиантов, мисс Фромм? – уточнил я.

– Она сама вам все расскажет, мистер Гудвин.

В трубке раздался другой голос, тоже знакомый:

– Мистер Гудвин?

– Слушаю.

– Мой племянник Остин Байн сказал, что созванивался с вами.

– Вроде бы да.

– Вроде бы?

– Ну, по телефону не видно, с кем говоришь. Он назвался Байном, но с тем же успехом это мог быть ученый тюлень.

– У моего племянника ларингит, о чем он вас уведомил. Очевидно, вы ничуть не изменились. Остин сказал, что попросил вас заменить его на обеде этим вечером и что вы согласились, если будет приглашение. Все верно? – (Я не стал отрицать.) – По его словам, вы осознаете размах и значимость мероприятия.

– Вполне осознаю. Как и прочие миллионов пятьдесят населения страны.

– Увы, мне жаль, что это событие получило такую огласку, но я не вправе ничего менять, не оскорбляя память своего покойного первого мужа. Считайте, что вы приглашены, мистер Гудвин.

– Ладно. Я принимаю приглашение из уважения к вашему племяннику. Спасибо.

– Очень хорошо. – В трубке помолчали. – Конечно, гостей, как правило, не принято предупреждать насчет подобающего поведения, но в этом случае, думаю, напомнить о хорошем тоне не помешает. Вы согласны?

– Всей душой.

– От вас потребуются тактичность и скромность.

– Обязательно прихватчу их с собой, – заверил я.

– И достойные манеры.

– Попробую одолжить. – Тут я решил, что пора слегка

притормозить. – Не беспокойтесь, миссис Робилотти, я прекрасно все понимаю. Можете рассчитывать на меня вплоть до кофе и даже после. Я все усвоил, честное слово. Такт, скромность, манеры, черный галстук, начало в семь.

– Тогда мы вас ждем. Не вешайте трубку. Мой секретарь сообщит вам имена приглашенных. Будет намного проще, если вы узнаете их заранее.

Снова послышался голосок мисс Фромм.

– Мистер Гудвин?

– По-прежнему тут.

– Возьмите, пожалуйста, бумагу и карандаш.

– Они у меня всегда под рукой. Давайте, я слушаю.

– Прервите меня, если я начну торопиться. За столом будет двенадцать гостей. Мистер и миссис Робилотти. Мисс Селия Грантэм и мистер Сесил Грантэм. Это сын и дочь миссис Робилотти от первого брака.

– Ага, я знаю.

– Мисс Хелен Ярмис. Мисс Этель Варр. Мисс Фэйт Ашер. Успеваете? – (Я подтвердил.) – Мисс Роуз Таттл. Мистер Пол Шустер. Мистер Беверли Кент. Мистер Эдвин Лэйдлоу. Вы. Всего двенадцать человек. Мисс Варр посадят справа от вас, а мисс Таттл сядет слева.

Я поблагодарил и повесил трубку. Теперь, когда меня пригласили и сосчитали, идея подменить Байна несколько утратила свою привлекательность. Да, побывать на вечеринке будет любопытно, но нервозотрепки, похоже, не избежать. Ну да

ладно, все равно уже согласился. Я позвонил Байну по оставленному им номеру и сказал, что он волен торчать дома и выкашливать легкие. Потом подошел к столу Вулфа и написал на календаре имя миссис Робилотти и номер телефона. Вулф захочет узнать, куда я запропастился, пусть даже сейчас мы не расследуем ничего важного. А вдруг кто-нибудь обратится за помощью и пожелает оплатить наши услуги? Затем я вышел в прихожую, свернул налево и через вращающуюся дверь проник в кухню. Фриц Бреннер за большим столом смазывал анчоусным маслом икру шэда.

– Меня к обеду не жди, – сказал я. – Я подписался выполнить главное доброе дело года и обречен страдать.

Фриц перестал мазать масло и взглянул на меня:

– Тебе же хуже. Будут телячьи рулетики в кастрюльке, как положено, с грибами и белым вином.

– Уже слюнки потекли. Но, может, там, куда я иду, найдется что-нибудь съедобное.

– Например, клиент?

Он вовсе не лез не в свое дело. Фриц Бреннер не из тех, кто обожает копаться в чужом белье – даже в моем. Он лишь проявлял надлежащую заботу о благополучии вверенного ему хозяйства и людей, проживающих в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице; лишь хотел удостовериться, что мое отсутствие за обедом пойдет на пользу нашему дому. Хозяйство требовало изрядных расходов. Нужно платить мне, платить Фрицу, платить Теодору

Хорстману, который дни напролет, а случалось, и ночи, проводил в оранжерее, среди десяти тысяч орхидей. Нас всех следовало кормить, причем той едой, которую Вулф предпочитал и обеспечивал, а Фриц готовил. Орхидеи тоже нуждались в постоянной опеке и уходе, а на прошлой неделе Вулф прикупил орхидею целогину из Бирмы за восемьсот баксов, и такие траты были привычным делом. В общем, перечислять расходы можно долго, очень долго, а единственным нашим источником доходов были люди, угодившие в неприятности и способные, а также желающие заплатить частному сыщику за избавление от этих неприятностей. Фриц прекрасно знал, что сейчас у нас на руках нет никакого дела, а потому скромно интересовался, не позволит ли моя отлучка приступить к новому расследованию.

– Нет, клиентов не предвидится, – покачал я головой и, сев на стул, добавил: – Это бывшая клиентка, миссис Роберт Робилотти, та, что пару лет назад лишилась колец и браслетов сразу на миллион, а мы их нашли и вернули. Мне нужен совет, Фриц. Ты, конечно, в женщинах разбираешься похуже, чем в еде, но я-то знаю, что опыт у тебя богатый. Короче, подскажи, как мне вести себя этим вечером.

– С женщинами? – фыркнул он. – Тебе понадобился совет насчет женщин, с твоим-то списком разбитых сердец?! И от кого – от меня? Арчи, ты ничего не напутал?

– Спасибо на добром слове, но там будут особенные женщины. – Кончиком пальца я подцепил каплю анчоусного

масла, упавшую на стол, и отправил в рот. – В том-то и закавыка. Первый муж этой миссис Робилотти, Альберт Грантэм, последние десять лет жизни усиленно тратил свое наследство в триста или четыреста миллионов долларов на то, чтобы сделать лучше мир и людей, живущих в этом мире. Думаю, ты согласишься со мной, что дамочка с младенцем, но без мужа заслуживает лучшей участи.

Фриц поджал губы:

– Для начала стоило бы взглянуть на эту дамочку и ее младенца. Не исключено, что они и вправду очаровательны.

– Тут дело не в очаровании. Во всяком случае, не для Грантэма. Вообще-то, попечение о незамужних матерях-одиночках не являлось для него крупной статьей расходов, но он явно испытывал к ним личный интерес. Он редко допускал, чтобы его имя связывали с какими-либо проектами, но здесь отпираться не стал. Построенный на его средства приют для таких матерей в округе Датчесс по сей день называется Грантэм-Хаус... Эй, а что ты сейчас подмешал?

– Майоран. Так, на пробу.

– Не говори Вулфу. Поглядим, почувет ли он. Так вот, когда очередная благодетельствованная мать-одиночка покидала Грантэм-Хаус, ей продолжали платить содержание, пока она не находила работу или мужа, но даже после того приглядывали. Сам Грантэм за несколько лет до смерти установил вот какое правило. На его день рождения они с женой каждый год приглашали четырех дамочек из приюта на обед

в дом на Пятой авеню, а заодно, в пару к девицам, звали четверых кавалеров. Грантэм умер пять лет назад, но его жена поддерживает эту традицию. Мол, так она воздаст должное своему супругу, хотя сама-то вышла замуж снова за типа по имени Роберт Робилотти, который в благотворительности замечен не был. Сегодня как раз день рождения Грантэма, и я иду на этот обед в качестве одного из кавалеров.

– Нет! – воскликнул Фриц.

– Что «нет»?

– Только не ты, Арчи!

– Почему?

– Ты все испортишь. Бедняжки вернутся в Грантэм-Хаус, не пройдет и года.

– Это ты зря, – сурово проронил я. – Спасибо за комплимент, конечно, но дело серьезное, и мне нужен совет. Сам посуди: кругом молодые мамы, которым оказали покровительство с тем расчетом, что они сумеют ухватиться за выпавший шанс. Давай допустим, что они так и поступили. Их приглашают на ужин в треклятый особняк, где будут четверо молодых людей, подходящих застольных партнеров, которых они прежде в глаза не видели и, скорее всего, никогда больше не увидят. Весело, правда? Короче, я в растерянности. Грантэм помер, и с ним толковать мне не придется, а миссис Робилотти пускай пропадает пропадом, живая или мертвая, но как мне вести себя с остальными? Готов выслушать полезные советы.

Фриц наклонил голову:

– Зачем ты туда идешь?

– Потому что попросил один приятель. Сам не знаю, почему он выбрал именно меня, но это мы пропустим. Думаю, я согласился пойти, рассчитывая поразвлечься, но теперь сообразил, что обед обещает превратиться в скуку смертную. Так или иначе, согласие дано. И что прикажешь делать? Я могу, конечно, валять дурака, строить из себя клоуна, завести разговор про детей или пуститься во все тяжкие... Или, может, произнести прочувствованную речь о знаменитых матерях – вроде Венеры, жены Шекспира и той римлянки, у которой были близнецы?..

– Ни в коем случае!

– Что тогда?

– Не знаю. Твоя болтовня мешает мне сосредоточиться.

– Ладно, умолкаю.

Он наставил на меня нож:

– Арчи, я хорошо тебя изучил. Наверное, не хуже, чем ты изучил меня. Мне нравятся наши беседы. Никакой совет тебе и даром не нужен. Что делать? – Он взмахнул ножом, будто разрезая невидимый кусок съестного. – Ха! Придешь, осмотришься – и будешь вести себя так, как посчитаешь нужным. Ничего нового. Если тебе станет противно, ты уйдешь. Если одна из девушек окажется миленькой и вокруг нее будут увиваться мужчины, ты отведешь ее в сторонку и предложишь завтра пообедать вдвоем. Если будет скучно, ты

объеешься, чем бы за столом ни кормили. Если оскорбишься... О, лифт заработал. – Он покосился на настенные часы. – Боже мой, уже одиннадцать! Пора шпиговать! – Фриц устремился к холодильнику.

Я не пошевелился. Вулф, когда спускается, предпочитает видеть меня в кабинете, на рабочем месте, а если я отсутствую, это его будоражит, что хорошо для кровообращения, посему я дождался, когда лифт остановится и в коридоре послышатся его шаги. Никогда не понимал, почему он не производит больше шума. Казалось бы, его ноги, не крупнее моих, должны проседать под тяжестью тела весом в седьмую часть тонны, но этого не происходит. Впечатление всякий раз такое, словно идет человек в половину веса Вулфа. Я дождался, пока он дойдет до стола и усядется в громадное, сделанное по особому заказу кресло, после чего пошел доложить. Он ворчливо пожелал мне доброго утра, и я ответил ему тем же. Да, общее утро у нас начиналось поздно: Фриц относил завтрак в спальню Вулфа на подносе, а с девяти до одиннадцати Вулф пребывал в оранжерее – каждый день, в том числе по воскресеньям, в компании Теодора и орхидей.

Сев за свой стол, я сообщил:

– Вчерашние чеки не обналичил, погода помешала. Может, развиднеется ближе к трем.

Вулф просматривал почту, которую я сложил на его стол.

– Обратись к доктору Волмеру, – проворчал он.

Это означало, что раз уж такая мелочь, как стылый мар-

товский дождь, помешала мне добраться с чеками до банка, выходит, я простыл. Поэтому я кашлянул. Потом чихнул.

– Обойдемся без доктора, – сказал я твердо. – Он еще пожелает уложить меня в кровать, а со всей нашей суматохой это не годится. Вам же без меня не справиться.

Вулф метнул на меня пристальный взгляд, кивнул в знак того, что принимает мой довод, и потянулся к перекидному календарю. Так у него было заведено – сначала почта, затем календарь.

– Что это за телефонный номер? – требовательно спросил он. – Миссис Робилотти? Это та женщина?

– Именно она, сэр. Та самая, что отказывалась платить вам двадцать тысяч, но все-таки заплатила.

– Что ей нужно теперь?

– Ей нужен я. Вы найдете меня у нее сегодня вечером после семи.

– Этим вечером придет мистер Хьюитт, он принесет дендробиум и хочет полюбоваться ренантерой. Ты обещал быть здесь.

– Знаю. Я и собирался, но вмешались непредвиденные обстоятельства. Она позвонила мне с утра.

– Вот уж не думал, что она обихаживает тебя – или ты ее.

– Ни то ни другое. Я с ней не виделся и ничего о ней не слышал с тех самых пор, как она выписала чек. Тут особый случай. Может, помните, что, когда она вас наняла и мы с вами ее обсуждали, я упомянул одну историю, вычитанную

в журнале, – насчет званых обедов, которые она устраивает ежегодно в день рождения своего первого мужа? Приглашает четырех девушек и четверых парней. Эти дамочки – незамужние матери-одиночки из прию...

– Да, помню. Пустое бахвальство. Мнимая благотворительность. Хочешь сказать, ты в этом замешан?

– Ничего такого я не говорил. Мне позвонил знакомый, Остин Байн, и попросил его подменить, потому что он слег с простудой. Я согласился, решил, что новый опыт не повредит. Закалю себе нервы, попутно кругозор расширю.

Глаза Вулфа сузились.

– Арчи...

– Слушаю, сэр.

– Я когда-либо вмешивался в твои личные дела?

– Конечно, сэр. Регулярно. Сами вы думаете иначе, так что продолжайте.

– Я не вмешиваюсь. Если тебе взбрело в голову зачем-то принять участие в этом нелепом представлении – воля твоя. Я просто указываю, что тем самым ты принижаешь себя. Этих бедолаг зовут на обед с совершенно очевидной целью. В надежде, что они – хотя бы одна из них – встретят мужчину, который настолько проникнется их положением, что пожелает продолжить знакомство и в итоге признает собственным отпрыском если не младенца, который уже родился, то плод, вызревающий в утробе. Следовательно, твое присутствие на обеде будет откровенным обманом, и тебе это хоро-

шо известно. Я, признаться, сомневаюсь в том, что ты позволишь хотя бы одной женщине надеть на тебя ярмо, но, если это однажды произойдет, такая женщина должна обладать качествами, которые сделают для нее невозможной участь подобных несчастных созданий. Коротко говоря, ты намерен податься в мошенники.

– Никак нет, сэр, – замотал я головой. – Вы все неправильно поняли. Я не стал вас перебивать, дал высказаться. Если бы затея сводилась к этому – познакомить девушек с потенциальными женихами, я бы во всеуслышание восхвалил миссис Робилотти, но пойти бы не пошел. Там все другое, уж поверьте. Мужчин зовут из той среды, в которой вращается она сама, – черные галстуки по вечерам шесть дней в неделю, никаких вольностей. Считается, что такая встреча принесет девушкам пользу, укрепит их мораль. Провести вечерок в благородной компании, поесть сливок, попробовать икру, посидеть на стуле работы Конгрива...¹ Конечно...

– Конгрив стульев не делал.

– Знаю, но тут просилось какое-то имя, а его фамилия первой пришла на ум. Конечно, все это слащавая чушь, но мошенничеством здесь и не пахнет. И можете не сомневаться: я иду туда не как на заклятие. Наука утверждает, что

¹ Имеется в виду английский драматург XVIII в. У. Конгрив. Арчи, вероятно, называет его имя, потому что в пьесах Конгрива подробно описывалась обстановка аристократических салонов. В частности, в английском языке за кушеткой-оттоманкой с фигурной спинкой – такими кушетками изобиловали салоны – даже закрепилось название «диван Конгрива».

некоторые девушки расцветают, телесно и духовно, становятся притягательнее после рождения ребенка. К тому же они обладают некоторым семейным опытом...

– Пф! Так ты все же пойдешь?

– Пойду, сэр. Я сказал Фрицу, что меня к обеду ждать не стоит. – Я поднялся. – Пора делами заняться. Если захотите ответить на почту до обеда, позовите, и я приду через пару минут.

Мне вспомнилось, что в субботу вечером кто-то во «Фламинго» пролил какую-то жидкость на рукав моего пиджака от вечернего костюма. Дома я плеснул на ткань пятновыводителем и забыл проверить, сошло пятно или нет. Поднявшись к себе, я осмотрел костюм и убедился, что пятно исчезло.

Глава 2

Внутреннее устройство особняка Грантэмов, ныне принадлежавшего Робилотти, на Пятой авеню в районе Восьмидесятых улиц, было мне хорошо знакомо: когда мы охотились за пропавшими бриллиантами, я излазал там каждый дюйм, в том числе и на половине слуг. Поэтому, пока ехал на такси в центр города, я размышлял о предстоящем приеме. Я предположил, что гостей соберут на втором этаже в так называемой музыкальной гостиной. Не угадал – для матерей-одиночек сойдет что попроще.

Открывший мне Хэкетт держался великолепно. Раньше, когда я приходил как наемный детектив, он вел себя безукоризненно строго, а теперь, когда я вдруг сделался приглашенным гостем, он воспринял эту перемену как должное, не моргнув и глазом. Наверное, того, кому поручают открывать двери, можно при желании обучить всем премудростям правильного взятия пальто и шляп у людей разного положения, но как по мне, тут столько всего понамешано, что без врожденного таланта не обойтись. Вид, с которым Хэкетт поздоровался со мной, поневоле заставлял вспомнить наши прошлые встречи и служил наглядным уроком хороших манер.

Я попробовал его растормошить. Когда он принял у меня шляпу и пальто, я высокомерно поинтересовался:

– Как ваши делишки, мистер Хэкетт?

Он ничуть не смутился. У этого типа точно железные нервы.

– Очень хорошо, мистер Гудвин, спасибо, что спросили, – вежливо ответил он. – Миссис Робилотти в гостиной.

– Ваша взяла, Хэкетт. Поздравляю. – Я за десять шагов пересек холл и миновал сводчатую арку.

Потолок гостиной возвышался над полом футов на двадцать, пятьдесят пар танцоров уместились бы в ней без всякого труда, а уголок для оркестра не уступал размерами моей спальне. Освещали комнату три хрустальные люстры, подвешенные еще при матери Альберта Грантэма, и она же велела поставить тридцать семь стульев – в свое время я все их пересчитал – разнообразной формы и размера, изготовленных, конечно, не в духе Конгрива, но и не с фабрик в Гранд-Рапидс². Среди всех помещений – а я повидал их немало – эта комната менее всего, на мой взгляд, подходила для милого общения квартета незамужних матерей-одиночек с незнакомыми мужчинами. Войдя в гостиную и оглядевшись, я прогулялся, иначе не скажешь, до барной стойки, возле которой в окружении других гостей стояла миссис Робилотти. Когда я приблизился, она обернулась и протянула мне руку:

– Рада вас видеть, мистер Гудвин.

Ну да, ей бы следовало поучиться выдержке у Хэкетта, но признаю: в целом она справилась. В конце концов, меня ведь

² Город в штате Мичиган, исторический центр массового мебельного производства в США.

ей фактически навязали. Бледно-серые глаза, посаженные так глубоко, что брови словно переламывались под острым углом, не лучились радушием, но еще вопрос, способны ли они вообще воспламеняться чувством. Надо сказать, угловатость в ее внешности бровями не ограничивалась. Тот, кто составлял ее облик, явно предпочитал углы плавным изгибам и не упустил ни единой возможности это доказать, а минувшие годы – ей, должно быть, под шестьдесят – несколько не сгладили первоначальный замысел. Ладно хоть, ниже подбородка все было скрыто – платье, бледно-серое под цвет глаз, было с длинным рукавом, а воротник облегал основание дряблой шеи. Когда мы искали бриллианты, мне дважды довелось наблюдать ее в вечернем наряде, и не скажу, что зрелище доставило удовольствие. Сегодня, кстати, она надела только жемчужное кольцо и пару колец.

Меня представили другим гостям и поднесли коктейль с шампанским. Первый же глоток дал понять, что с коктейлем что-то не так, и я переместился ближе к барной стойке, чтобы выяснить причину. Смешивал коктейли Сесил Грантэм, сын хозяйки от первого брака, и то, что он творил, было хуже простого убийства. Я увидел, как он, держа бокал ниже стойки бара, кладет туда полкуска сахара, роняет две капли биттера, выдавливает сок лимона, наливает до половины содовой, потом ставит бокал на стойку и почти до краев заполняет из бутылки «Кордон Руж». Не спорю, губить добротное шампанское отравой вроде сахара и биттера с лимоном – до-

вольно распространенное преступление, но вот содовая – это вообще за гранью добра и зла. Мотив Сесила был очевиден – понизить градус, чтобы почетные гости не перебрали, однако, поддавшись искушению, видимо, содовая в шампанском подействовала, я решил не спускать с него глаз. Мне хотелось выяснить, сделает ли он такую же бурду для себя, но тут прибыл очередной гость, и пришлось отвлечься на знакомство. Это был последний из двенадцати приглашенных.

К тому времени, когда наша хозяйка повела нас по широкой мраморной лестнице в столовую этажом выше, я успел мысленно рассортировать гостей и сопоставить лица с именами. Разумеется, с четой Робилотти и близнецами, Сесилом и Селией, я встречался раньше. Пол Шустер оказался типом с острым носом и внимательным взглядом темных глаз. Беверли Кент выделялся длинным, вытянутым лицом и большими ушами. Коротышка Эдвин Лэйдлоу то ли забыл причесаться, то ли его волосы не слушались расчески.

Я заранее решил для себя, что с девушками лучше всего держаться этаким старшим братом, который обожает своих родственников и постоянно над ними подшучивает – конечно, с должным тактом и утонченностью. Реакция девушек подтвердила правильность такого решения. Хелен Ярмис, высокая и стройная, пожалуй, ближе к худобе, с огромными карими глазами и пухлыми губками – вот только бы она научилась улыбаться по-настоящему, а не кривить уголки рта – умело выказывала спокойное достоинство. Этель

Варр, приведись мне выбирать свою судьбу, я выбрал бы не раздумывая: нет, красотой она с ног не валила, но свою голову носила на плечах гордо, а лицо у нее было из тех, что понуждают оглядываться, ибо оно непрерывно менялось в игре света и тени.

Фэйт Ашер я бы определил себе в сестры, потому что она, казалось, нуждается в братской опеке больше всех остальных. К слову, она была симпатичнее прочих, миловидная, с зелеными искорками в глазах и ладной фигуркой со всеми нужными округлостями, но усиленно прятала свои прелести, опуская плечи и так крепко напрягая лицевые мышцы, что того и гляди морщины пойдут. Правильный брат мог бы сотворить с ней подлинное чудо, однако за столом меня лишили всякого шанса – посадили напротив, слева от нее очутился Беверли Кент, а справа – Сесил Грантэм.

По левую руку от меня сидела Роуз Таттл, вид которой недвусмысленно намекал, что никакой брат ей не нужен. Голубые глаза, круглое лицо, волосы стянуты в хвостик, фигура пухлая настолько, что хватило бы поделиться с миссис Робилотти и еще бы осталось. Роуз лучилась весельем, и было понятно, что случайным рождением ребенка эту природную радость не омрачить. Даже рождением двух детей, как я вскоре узнал. Нацепив на вилку устрицу, она повернулась ко мне:

– Гудвин – так вас зовут?

– Верно. Арчи Гудвин.

– Забавно. Вон та дама уверяла, что я буду сидеть между мистером Эдвином Лэйдлоу и мистером Остином Байном, а вы говорите, что ваша фамилия Гудвин. На днях я рассказывала подружке, что меня пригласили на вечеринку, и она предположила, что среди гостей должны быть холостые отцы... Вы вроде как поменяли фамилию, а что насчет холостого отца?

Я напомнил себе, что от меня ожидают тактичности.

– Наполовину, – признался я. – Я вполне холост, но отцом, насколько знаю, стать пока не успел. Мистер Байн простудился, не смог прийти и попросил меня его подменить. Что ж, ему не повезло, зато повезло мне.

Роуз съела одну устрицу, вторую – она и ела весело – и снова повернулась ко мне:

– Знаете, я как раз говорила той своей подружке, что, если все мужчины в высшем обществе такие, какие были тут в прошлый раз, мы ничего не потеряем, если не придем, но, сдастся мне, они все-таки разные. Вот вы точно отличаетесь. Я видела, как вы заставили Хелен засмеяться – это Хелен-то Ярмис! По-моему, никто раньше не замечал, чтобы она смеялась. Если не возражаете, я расскажу о вас своей подруге.

– Валяйте. – Я прервался на очередную устрицу. – Но хочу вас поправить. Я не из высшего общества. Обыкновенный наемный работник.

– О! – Роуз понятливо кивнула. – Это все объясняет. А чем вы занимаетесь?

Памятуя о необходимости проявлять скромность, я помолчал. Не ровен час, эта мисс Таттл заподозрит, что миссис Робилотти наняла детектива приглядывать за гостями.

– Ну, можно сказать, что я улаживаю проблемы. Я работаю на человека по имени Ниро Вулф. Полагаю, вы слышали о нем.

– Кажется, да. – Устрицы закончились, и Роуз положила вилку на стол. – Уверена, я где-то... А-а, вспомнила! Убийство, какая-то женщина... Сюзен, по-моему. Вулф – сыщик, правильно?

– Правильно. Я работаю на него. Однако...

– А вы тоже сыщик?

– Когда на работе – конечно, но не сегодня вечером. У меня выходной. Так что я отдыхаю, развлекаюсь и хотел бы уточнить, что вы имели в виду...

Хэкетт с двумя помощницами убирал со стола тарелки из-под устриц, но не это меня остановило. Я отвлекся на Роберта Робилотти, сидевшего напротив, между Селией Грантэм и Хелен Ярмис: он взмахнул рукой, требуя внимания. Когда голоса других стихли, миссис Робилотти возвысила свой:

– Что такое, Робби? Опять про блоху?

Он улыбнулся жене. Из того немногого, что узнал о нем за время охоты за бриллиантами, лично я к нему симпатией не проникся, не важно, улыбается он или нет. Впредь постараюсь относиться к нему непредвзято, и мне известно, что не существует закона, запрещающего мужчинам выщипывать

брови, носить тонкие усики и полировать длинные ногти, а мое подозрение, что он носит корсет, было всего лишь подозрением. Если он женился на миссис Альберт Грантэм из-за ее денег, я первый соглашусь, что ни один мужчина на свете не женится без причины, а в ее случае иной причины придумать почти невозможно. Кроме того, допускаю, что у него есть некие скрытые добродетели, которых я не сумел разглядеть. Но твердо знаю одно: будь мое имя Роберт и женись я по некой причине на женщине на пятнадцать лет меня старше, сплошь состоящей из углов, то ни за что не разрешил бы называть себя Робби.

Надо отдать ему должное, он не позволил супруге себя заткнуть. Всеобщего внимания он добивался, чтобы поведать историю о сотруднике рекламного агентства, который изучал блох, – и был решительно настроен досказать до конца. Я уже слышал ее от Сола Пензера, который рассказывал красочнее, но и Роберт сумел заинтриговать слушателей. Трое мужчин из высшего света засмеялись – тактично, утонченно и скромно. Хелен Ярмис наконец-то изогнула уголки рта кверху. Близнецы Грантэм сочувственно переглянулись. Фэйт Ашер перехватила взгляд Этель Варр, сидевшей напротив, едва заметно покачала головой и стыдливо потупилась. Затем Эдвин Лэйдлоу пустился рассказывать об авторе, написавшем целую книгу невидимыми чернилами, а Беверли Кент поделился анекдотом об армейском генерале, забывшем, на чьей стороне он сражается. Мы словно сдела-

лись большой и счастливой – ну, почти счастливой – семьей, и тут подали голубей. Я понял, что угодил в неприятности. За столом у Вулфа мы обыкновенно брали птицу руками – это единственный практичный способ, – но здесь же требовалось блюсти манеры! Меня спасла Роуз Таттл: одной рукой она вонзила вилку в птичью тушку, а другой оторвала бедрышко.

Вообще-то, мисс Таттл мимоходом обронила кое-что сильно меня заинтересовавшее, и я был не прочь развить беседу, однако она увлеклась разговором с Эдвином Лэйдлоу, сидевшим слева, поэтому я покосился на Этель Варр справа от себя. Ее лицо продолжало преподносить сюрпризы. В профиль, на таком близком расстоянии, оно выглядело иначе, а когда девушка повернулась и мы встретились взглядами, преобразилось снова.

– Надеюсь, вы не возражаете против замечаний личного свойства, – сказал я.

– По-разному бывает. Не могу ничего обещать, пока не услышу.

– Ладно, я рискну. Вдруг вы решите, что я на вас пялюсь. Хотел сразу объяснить...

– Вот как? – Она улыбнулась. – Может, лучше не стоит? Может, ваше объяснение меня расстроит? Может, я лучше и дальше буду думать, что вам просто хочется на меня смотреть?

– И это правильно. Если бы мне не хотелось, я бы не

смотрел, сами понимаете. Но вот какая штука – я все пытаюсь поймать момент, когда вы будете выглядеть одинаково, и у меня не получается. Только вы чуток повернетесь, в любую сторону, как лицо меняется. Знаю, есть люди, которые умеют так делать, но я никогда не видел лица подвижнее вашего. Вам раньше такого не говорили?

Она раздвинула губы, снова их сомкнула и отвернулась от меня. Мне оставалось лишь уткнуться носом в свою тарелку, и я так и поступил, но мгновение спустя Этель вновь заговорила со мной.

– Между прочим, мне всего девятнадцать, – сообщила она.

– Мне тоже когда-то было девятнадцать, – признался я. – Что-то в том возрасте мне нравилось, а что-то было ужасным.

– Вы правы, – согласилась она. – Я пока не научилась вести себя как надо, но обязательно научусь. С моей стороны было глупо отворачиваться от вас. Вы верно сказали, мне и вправду говорили про мое лицо. Много, много раз.

Вляпался, сокрушенно подумал я. Как прикажете быть тактичным, когда неизвестно, что укладывается в рамки, а что за них выпирает? Подвижное лицо вовсе не означает, что девушка непременно обзаведется ребенком. Нужно как-то выпутываться...

– Я предупреждал, что замечание будет личного свойства, и просто хотел объяснить, почему таращусь на вас. Думать не

думал, что своим вопросом вас оскорблю. Давайте сочтемся, хорошо? Меня самого раздражают разговоры о лошадях: однажды я зацепился каблуком за стремя, когда спешивался. Можете спросить у меня что-нибудь насчет лошадей, и мое лицо изменится, вот увидите.

– Должно быть, вы катались в Центральном парке? Я права?

– Нет, это было летом на Западе. Продолжайте, у вас неплохо получается.

Мы болтали о лошадях, пока не встрял Пол Шустер, сидевший справа от Этель. Я не виню его, ведь с другого бока от него восседала миссис Робилотти. Но поскольку Эдвин Лэйдлоу по-прежнему занимал Роуз Таттл, лишь во время десерта – принесли вишневый пудинг со взбитыми сливками – мне удалось ее расспросить.

– Вы кое-что сказали, – напомнил я. – По-моему, я не слышал.

Она проглотила кусочек пудинга.

– Может, я невнятно сказала. Со мной случается. – Она подалась ко мне и понизила голос. – Этот мистер Лэйдлоу, он ваш приятель?

Я покачал головой:

– Сегодня я увидел его впервые в жизни.

– Что ж, вы ничего не потеряли. Он издает книжки. Вот скажите, когда вы смотрите на меня, вам кажется, что я до смерти хочу узнать, сколько книжек вышло в прошлом году

в Америке, Англии и других странах?

– Нисколько. Сдается мне, вы отлично обошлись бы без этих познаний.

– То-то и оно. Ну, что я не так сказала?

– Дело не в том, что вы сказали что-то не то. Вы упомянули мужчин из общества, которые были тут в прошлый раз, и я не совсем понял... Вы подразумевали, что уже бывали на такой вечеринке?

– Именно так, – кивнула она. – Это было три года назад. Вы же знаете, вечеринки устраивают каждый год.

– Да, знаю.

– Сегодняшняя у меня вторая. Та моя подруга, про которую я говорила, думает, что меня снова позвали на шампанское из-за второго ребенка, но я вас уверяю: будь я без ума от шампанского, то уж придумала бы, как быстрее попасть сюда опять. К тому же я и ведать не ведала, что меня пригласят. Сколько мне лет, по-вашему?

Я присмотрелся к ней:

– Э-э... Двадцать один?

Она довольно усмехнулась:

– Понятно, что из вежливости вы сбросили пяток, так что ваша догадка верна. Мне двадцать шесть. Сами видите, это неправда, будто после рождения детей девушки выглядят старше. Конечно, если детей много, восемь или десять, ты точно постареешь. Но лично я не верю, что выглядела бы моложе, не будь у меня двоих малышек. Что скажете?

Я помедлил с ответом. Я принял приглашение на вечеринку вполне осознанно. Пообещал хозяйке, что осведомлен о характере и значимости мероприятия и что она может рассчитывать на меня. На мои плечи давило бремя ответственности за общественную мораль, хотя бы в некоторой степени, а эта веселая мать-одиночка сводит все обилие наших социальных проблем к единственному вопросу – состарило ли ее рождение детей! Если я скажу «нет», это будет ответ одновременно правдивый и тактичный. Из него следует, что никаких преград для карьеры на ее жизненном пути не имеется. Сказать «нет» и перечислить реальные препятствия, которые ее поджидают, было бы верно, будь я посвящен в тайинства благотворительности и опеки, но я не посвящен, да и сама она наверняка о них знает, однако ничуть не тушуетя. В общем, я поразмыслил секунды три. Конечно, совершенно не мое дело, продолжит ли она рожать, но поощрять ее в этом начинании я не собираюсь. Короче, я солгал.

– Увы.

– Что? – возмутилась она. – Да как вы смеете?!

Я проявил твердость:

– Смею. Вы признали, что я мысленно дал вам двадцать шесть и отнял пять лет из вежливости. Будь у вас всего один ребенок, я бы дал вам двадцать три, а если бы детей не было, мог бы дать вам лет двадцать. Не стану утверждать, что наверняка бы дал, но не исключено. Пожалуй, нам стоит заняться пудингом. Вон, некоторые уже доели свои порции.

Роуз весело развернулась к своей тарелке.

По всей видимости, приглашенных уведомили заранее по поводу процедуры: когда Хэкетт по сигналу отодвинул стул миссис Робилотти, а мы, кавалеры, оказали ту же услугу своим подопечным, девушки мигом окружили хозяйку, которая направилась к двери. Когда дамы ушли, мужчины снова уселись.

Сесил Грантэм испустил громкий вздох облегчения:

– Последние два часа были тяжким испытанием.

– Бренди, Хэкетт! – распорядился Роберт Робилотти.

Хэкетт, разливавший кофе, прервался и бросил на него укоризненный взгляд:

– Буфет заперт, сэр.

– Знаю, но у вас же есть ключ.

– Нет, сэр. Ключ у миссис Робилотти.

Как по мне, тут должна была воцариться смущенная тишина, но Сесил Грантэм расхохотался и посоветовал:

– Топор возьмите.

Хэкетт продолжил разливать кофе.

Беве́рли Кент, тип с вытянутым лицом и большими ушами, прокашлялся:

– Знаете, мистер Робилотти, некоторое воздержание нам не повредит. В конце концов, мы все понимали протокол, когда принимали приглашение.

– Не протокол, – возразил Пол Шустер. – Протокол – это совсем другое. Удивляюсь я тебе, Бев. Ты никогда не ста-

нешь послом, если не вызубришь, что такое протокол.

– Я и так не стану, – ответил Кент. – Мне тридцать лет, восемь лет назад я окончил колледж, и что мы имеем? Мальчика на побегушках в миссии при Объединенных Нациях. Какой из меня дипломат? Но что такое протокол, мне полагается знать лучше, чем перспективному молодому корпоративному юристу. Ну-ка, поделись, что знаешь ты.

– Немного. – Шустер отпил кофе. – Да, немного, но мне известно, что это, и я утверждаю, что ты употребил слово неправильно. И зря ты меня причисляешь к перспективным молодым корпоративным юристам. Юристы никогда не дают обещаний. Кое-чего я добился, а поскольку я на год моложе тебя, надежда еще остается.

– Надежда для кого? – требовательно спросил Сесил Грантэм. – Для тебя или для корпорации?

– Что касается слова «протокол», – вмешался Эдвин Лэйдлоу, – думаю, я могу разрешить ваш спор. Раз уж я издатель, за мной обычно остается последний голос в вопросе слов. «Протокол» происходит от греческого «prxtos», «первый», и «kola», то есть «клей». Почему клей? Да потому, что в Древней Греции словом «prxtokollon» называли первый лист с содержанием рукописи, приклеенный к папирусному свитку. Сегодня под протоколом имеют в виду самые разные документы – от черновиков до отчета о слушаниях или какого-либо соглашения. В этом отношении, Пол, ты прав, но и Бев выразился верно, потому что под протоколом еще по-

нимают свод правил этикета. Выходит, вы оба правы. Наша вечеринка действительно предусматривает особый этикет.

– Я за Пола, – объявил Сесил Грантэм. – Запирать спиртное – это никакой не этикет. Это чистой воды тирания.

Кент повернулся ко мне:

– А вы что скажете, Гудвин? Насколько я знаю, вы детектив. Сможете детектировать ответ?

Я поставил чашку на стол:

– Честно сказать, не очень-то понимаю, куда вы клоните. Если вам хочется разобраться, верно ли употреблено слово «протокол», надежнее всего свериться со словарем. Наверху, в библиотеке, словарь точно должен быть. А если вы хотите бренди из запертого буфета, то проще всего отправить кого-нибудь из нас в ближайший магазин. Помнится, есть заведение на углу Восемьдесят второй и Мэдисон-авеню. Можем бросить монетку.

– Сразу видно практичного человека, – заметил Лэйдлоу. – Вы человек действия.

– Кстати, – произнес Сесил Грантэм, – все обратили внимание? Он знает, где находится словарь и где расположен магазин, торгующий спиртным. Детективы знают все на свете. – Он повернулся ко мне. – Неплохо было бы узнать, вы здесь по работе или как?

Я решил проигнорировать его тон и вопросительно изогнул бровь:

– Будь я на работе, что я бы ответил вам?

– А! Значит, признаетесь?

– А если нет, в чем признаваться?

Роберт Робилотти громко фыркнул.

– Туше! – воскликнул он. – Попробуй иначе, Сес.

Он произнес это имя как нечто среднее между «Сес» и «Сис»; мать Сесила звала сына Сесселом, а сестра – Сессом.

Сесил пропустил слова отчима мимо ушей.

– Я же просто спросил. Или спрашивать не стоило?

– Да нет, почему же? Я вам просто ответил. – Я повел головой вправо, потом влево. – Раз вопрос прозвучал, значит все вы задавали его себе мысленно. Будь я здесь по работе, то так и ответил бы Грантэму, но, поскольку я пришел гостем, будет лучше, если вы мне поверите. Остин Байн утром позвонил и попросил его подменить. Если кому-то интересно, валяйте проверяйте.

– Думаю, нас это никоим образом не касается, – сказал Робилотти. – Меня уж точно не касается.

– Меня тоже, – согласился Шустер.

– Ладно, забыли, – процедил Сесил. – Какого черта! Мне любопытно стало, только и всего. Ну что, идем к мамашам?

Робилотти метнул на пасынка взгляд, который никак нельзя было назвать дружелюбным. Ну да, кто в этом доме хозяин?

– Я собирался спросить, не хочет ли кто-нибудь еще кофе. Нет? – Он встал со стула. – Мы присоединимся к дамам в музыкальной гостиной и сопроводим их вниз. Каждый из

нас сначала танцует со своей соседкой по столу. Идемте, господа?

Я поднялся и расправил штанины брюк.

Глава 3

Будь я проклят, если в музыкальной гостиной не обнаружился оркестр – рояль, саксофон, две скрипки, кларнет и ударные. Как по мне, вполне можно было обойтись магнитофоном с выносным динамиком, но в этом отношении на матерей-одиночек средств не жалели. Правда, если уж говорить о средствах, оркестру заплатили, думаю, почти столько же, сколько сэкономили на напитках – содовая в коктейлях, розовая водичка за столом, которую пытались выдать за вино, запрет на бренди, так что никаких сверхъестественных расходов. Танцы затянулись больше чем на час, потом откуда-то возник Хэкетт и начал разливать всем шампанское у барной стойки – чистый «Кордон Руж», без всяких добавок вроде содовой. До окончания приема оставалось всего ничего, и миссис Робилотти, видимо, решила слегка ослабить удавку.

Как партнерша по танцам, Роуз Таттл оказалась так себе. Нет, она подходила мне по росту и имела некоторое представление о ритме, но этого было мало; мешало ее отношение к танцам. Она двигалась весело, а это, разумеется, никуда не годилось. Весело танцевать нельзя, ведь танец – дело серьезное. Танец может быть диким, торжественным, фривольным, похотливым или даже искусством ради искусства, но веселым он не бывает. Самое главное, веселый человек слишком много болтает. Хелен Ярмис в этом качестве была

лучше – точнее, была бы, когда бы не ее скованность. Мы с ней ловили ритм и двигались легко и слаженно, а потом она внезапно замирала и словно превращалась в оживший манекен. К слову, ростом она тоже была мне под стать – доставала макушкой до моего носа, – и чем ближе находились ее пухлые губки, тем сильнее они мне нравились, когда изгибались в улыбке.

На следующий танец Хелен отнял у меня Робилотти. Оглядевшись, я понял, что почти все дамы разобраны, а в мою сторону направляется Селия Грантэм. Я дождался, пока она не подойдет и не остановится на расстоянии вытянутой руки.

– Ну? – спросила она, чуть откинув голову.

Насколько я понимаю, приличия – это для гостей, а от собственной дочери хозяйка ничего такого не требовала. Поэтому я пошел напролом:

– А оно того стоит?

– Нет, – признала она, – и не надейся. Но танца со мной тебе не избежать, как ни крути.

– Да ну? А если я скажу, что у меня ноги болят, и разуюсь?

– Да, – кивнула Селия, – с тебя, пожалуй, станется.

– Еще бы!

– Убедил. Значит, хочешь меня помучить? Неужели я не упаду в твои объятия? Неужели унесу эту боль с собой в могилу?

Возможно, обо мне складывается неверное впечатление,

хотя я стараюсь излагать в точности так, как все было. Я видел эту девушку – пусть будет «девушка», даже если она на пару лет старше Роуз Таттл, успевшей дважды родить, – всего четыре раза. Трижды мы с ней встречались в этом самом особняке во время охоты за бриллиантами, а на третий раз, когда ненадолго остались вдвоем, светская беседа неожиданно закончилась согласием пообедать и потанцевать во «Фламинго». Селия пришла, как и обещала, но вспоминать то свидание мне не хотелось. Танцевала она просто отлично, спору нет, но и пила без меры, а ближе к полуночи затеяла ссору с другой дамой, и в результате нас выставили вон. В следующие несколько месяцев она исправно мне названивала – раз двадцать, по-моему, – предлагала повторить попытку, но я отговаривался делами. На мой взгляд, во «Фламинго» был лучший оркестр в городе, и я совершенно не стремился угодить в список нежеланных клиентов. А что до настойчивости Селии, мне приятно было думать, что она, распробовав, так сказать, меня, теперь не польстится ни на кого другого, однако я сознавал, что она слишком уж легкомысленная особа. Вообще-то, я рассчитывал, что она обо мне со временем забудет, но вот поди же ты...

– Да брось, какая боль? Ты предана только себе. И потом, мы же с тобой не сошлись характерами. Что-то подсказывает мне, что, начни мы танцевать, ты быстро высвободишься из моих рук, начнешь драться и говорить грубости, а это испортит вечер. Я по твоим глазам читаю, между прочим.

– В моих глазах бурлит неутоленная страсть. Если ты не догадался, тебе нужно чаще бывать в свете. Библия у тебя при себе?

– Нет, забыл прихватить. Но в вашей библиотеке наверняка найдется. – Из внутреннего кармана пиджака я достал блокнот, который всегда таскал с собой. – Это сгодится?

– Сойдет. Держи ровно. – Она накрыла блокнот своей ладонью. – Клянусь своей честью, что, согласишься ты потанцевать со мной, я стану твоей верной кошечкой и никоим образом не заставлю тебя о том пожалеть!

Миссис Робилотти, танцевавшая с Полом Шустером, упорно косилась на нас. Я спрятал блокнот обратно в карман, взял Селию за руку – и буквально через три минуты убедился, что девушке, которая танцует вот так, можно простить что угодно.

Оркестр взял паузу на отдых, я отвел Селию к свободному стулу и задумался, будет ли прилично с моей стороны занять ее на следующий танец, но тут к нам приблизилась Роуз Таттл, одна-одинешенька. Селия накинулась на нее чисто по-женски:

– Если вам понадобился мистер Гудвин, я вас понимаю. Он тут единственный, кто умеет танцевать.

– Мне он нужен для другого, – объяснила Роуз. – Да я и не отважусь выбирать кавалеров, с моей-то неуклюжестью. Нет, я хотела кое-что ему сказать.

– Валяйте, – откликнулся я.

– Это личное.

– Как всегда! – Селия засмеялась и встала. – Мне потребовалась бы сотня слов, а вы справились всего двумя. – Она направилась к бару, где Хэкетт открывал бутылки с шампанским.

– Присаживайтесь, – сказал я, обращаясь к Роуз.

– Нет, спасибо, это ненадолго. Я решила, что вам как детективу лучше об этом узнать. Конечно, миссис Робилотти не хочет никаких неприятностей... Ей я тоже непременно расскажу, но подумала, что и вас поставить в известность не помешает.

– Я здесь не по работе, мисс Таттл. Я ведь говорил, что пришел развлекаться.

– Да, я помню, но вы же детектив, верно? И сможете сами с ней переговорить, если сочтете нужным. Я боюсь ее тревожить, она такая строгая... Но если произойдет нечто ужасное, а я это утаю, то часть вины ляжет на меня...

– Что такого ужасного может произойти?

Роуз взяла меня под руку:

– Я не сказала, что уже произошло... Фэйт Ашер до сих пор носит при себе яд, пришла сюда с ним. Он у нее в сумочке. Ах да, вы же ничего не знаете!

– Чего именно? Что за яд?

– Какой-то особый состав. Когда мы жили в Грантэм-Хаусе, она нам рассказывала, а кому-то и показывала маленький такой флакончик. Он у нее всегда при себе, в карманчике

на юбке, и она нарочно нашла карманы на все свои платья, чтобы носить этот яд. Говорила, что подумывает покончить с собой, если жизнь так сложится, и поэтому повсюду ходит с ядом. Некоторые девушки считали, что она рисуется, и кое-кто над ней даже смеялся, но не я. Мне казалось, что она и вправду помышляет о смерти, а если и я начну потешаться, как другие, то окажусь причастной к ее гибели. Теперь она покинула приют и нашла работу. Я было подумала, что у нее все хорошо, но какое-то время назад Хелен Ярмис столкнулась с ней в уборной наверху и увидела тот флакончик в ее сумке. Хелен спросила, по-прежнему ли внутри яд, и Фэйт ответила, что да. – Роуз замолчала.

– Что дальше? – спросил я.

– Дальше? – повторила она.

– Это все, что вы хотели рассказать?

– А разве этого мало? Ну да, вы же не знаете Фэйт так близко, как я. Здесь, в роскошном особняке с дворецким, в компании нарядных мужчин, с бокалом шампанского в руках – именно здесь она могла бы свести счеты с жизнью, если бы все-таки захотела. – Роуз вдруг снова развеселилась. – И я тоже! – воскликнула она. – Я бы капнула яду себе в бокал, присела на стул, подняла бы бокал высоко, громко сказала бы: «За все наши горести!» – так говорила одна девушка в приюте, когда наливала колу, – выпила бы до дна, отшвырнула бокал, встала и начала бы оседать на пол, а мужчины со всех сторон кинулись бы меня ловить... Интересно, как

скоро я бы умерла?

– Через пару минут или еще быстрее, если яда будет нужное количество. – Я высвободил локоть, за который Роуз продолжала держаться. – Ладно, вы рассказали что хотели. На вашем месте я бы выкинул все это из головы. Вы сами флакон видели?

– Да, она мне показывала.

– А нюхать нюхали?

– Нет, она не открывала пробку. Та была крепко завернута.

– Флакон стеклянный? Что внутри, видно было?

– По-моему, пластмассовый.

– Говорите, Хелен Ярмис видела этот флакон в сумочке Фэйт? Какая у нее сумка?

– Из черной кожи. – Роуз огляделась по сторонам. – Вон она, лежит на стуле. Наверное, пальцем показать будет неправильно...

– Я проследил за вашим взглядом. Как я сказал, лучше выбросьте все это из головы. Я приму меры, чтобы ничего не случилось. Потанцуем?

Она согласилась, и мы влились в веселый хоровод, а когда оркестр снова взял паузу, подошли к стойке за шампанским. Потом я пригласил Фэйт Ашер.

Раз уж она играла в тягу к самоубийству не меньше года, раз уж во флаконе мог быть аспирин либо соленый арахис и, даже если допустить, что там и вправду цианид, раз уж я не

разделял мнения Роуз Таттл об особняке Робилотти как идеальном месте для смерти, шанс того, что здесь действительно случится что-то непоправимое, составлял, по моим прикидкам, один к десяти миллионам, но все равно – на меня взвалили определенную ответственность, и поэтому я продолжал приглядывать за сумочкой Фэйт Ашер и за ней самой. Проще всего наблюдать было, танцуя с ней, поскольку тогда за сумочкой следить не требовалось.

Как было сказано, я бы выбрал ее себе в сестры, потому что выглядела она так, словно нуждается в братской опеке. Возможно, сказывалось и то, что среди всех четырех девушек она была самой привлекательной. От шампанского она не отказывалась, это угадывалось по тому, как расслабились ее лицевые мышцы, и, пускай порой сбивалась с шага, танцевать с ней было подлинным удовольствием. Когда ей нравилось какое-нибудь мое движение или замечание, ее глаза с зелеными искорками посверкивали, и, когда танец завершился, я засомневался в том, нужен ли ей именно брат. Скорее, она хотела бы кузена...

Впрочем, выяснилось, что она себе на уме, если не насчет братьев и кузенов, то уж точно по поводу выбора партнеров. Мы стояли у окна, и к нам подошел издатель Эдвин Лэйдлоу. Поклонившись Фэйт, он произнес:

- Потанцуете со мной, мисс Ашер?
- Нет, – коротко ответила она.
- Я почел бы за честь...

– Нет.

Я не мог не задаться мысленно вопросом о причине отказа. Лэйдлоу был выше Фэйт всего на пару дюймов; возможно, она предпочитала более рослых – вроде меня. Или, может, все дело в его лохматости – то ли он не причесывался, то ли его волосы не желали лежать ровно. Или тут что-то личное, какая-то давняя обида? Вряд ли он сказал ей что-либо неподобающее за столом, они сидели далеко друг от друга, но такой разговор вполне мог состояться раньше или позже. Лэйдлоу молча отвернулся и ушел, оркестр заиграл музыку, и я раскрыл было рот, чтобы предложить Фэйт новый танец, но вмешался Сесил Грантэм, решительно ее перехвативший. Ростом он приблизительно с меня, волосы аккуратно расчесаны, так что, похоже, Лэйдлоу отказали из-за внешнего вида. Я не стушевался, пригласил Этель Варр и за время танца ухитрился не сказать ни словечка по поводу ее меняющегося лица. Пока мы танцевали, я старался не слишком уж явно вертеть головой, но все-таки продолжал наблюдать за Фэйт Ашер и стулом, на котором лежала ее сумочка.

Когда наконец случилось то, что случилось, это событие застигло меня врасплох. Мне нравится думать, что я умею ловить намеки на лету, и часто так и вправду бывает, но на сей раз чутье меня подвело; хуже того, беседуя с Этель Варр, я поглядывал на Фэйт Ашер. Если она собиралась покончить с собой и если у меня на самом деле талант ловить намеки, я бы, наверное, задышал чуть чаще в предвкушении, но и это-

го не произошло. Я видел, как Сесил Грантэм проводил ее к стулу футах в пятнадцать от того, где лежала сумочка; Фэйт села, а Сесил ушел и вернулся с двумя бокалами шампанского. Он поднял свой бокал и что-то сказал. Вообще-то, я следил за ними краешком глаза, чтобы не обидеть невниманием Этель Варр, но в тот миг мой взгляд целиком сосредоточился на Фэйт. Нет, никакого предчувствия не было, просто в голове засели слова Роуз Таттл насчет яда в бокале шампанского, и я невольно насторожился. Короче, я смотрел на Фэйт Ашер, а она сделала глоток, внезапно словно окаменела, потом содрогнулась всем телом, покачнулась, издала некий звук – что-то среднее между вскриком и стоном – и обмякла без чувств. Пожалуй, она бы упала со стула прямо на пол, не подхвати ее Сесил.

Когда я подбежал, он продолжал держать ее на руках. Я велел положить ее на пол и позвать врача, а сам взял Фэйт за плечи. Она вдруг забилась в судорогах, голова моталась туда и сюда, ноги дергались, и Сесил попробовал схватить ее за лодыжки. Я сказал ему, что это бесполезно, и спросил, позвали ли врача. Кто-то за моей спиной ответил утвердительно. Я опустился на колени, следя, чтобы Фэйт случайно не ударилась головой о пол, выкроил мгновение, чтобы оглядеться, и заметил, что Робилотти, Кент и дирижер оркестра отгесняют от нас всех прочих. Очень скоро судороги ослабли, а затем и вовсе прекратились. Фэйт дышала быстро и натужно, однако вздохи становились все реже, а ее шея под

моими пальцами начала затвердевать. Я понял, что наступит паралич и что никакой врач уже не успеет помочь.

Сесил кричал на меня, слышались и другие голоса. Я вскинул голову и рыкнул:

– Будьте так любезны, ну-ка заткнитесь! Мы ничего не можем поделать. – Мелькнуло лицо Роуз Таттл. – Роуз, ступайте охранять ее сумочку. Не прикасайтесь к ней. Просто встаньте рядом и не сводите с нее глаз.

Роуз послушалась.

Миссис Робилотти сделала шаг вперед:

– Вы в моем доме, мистер Гудвин. Эти люди – мои гости. Что с ней случилось?

Я уловил запах дыхания Фэйт, а потому мог бы ответить в подробностях, но это могло подождать до ее скорой кончины. Пропустив слова хозяйки мимо ушей, я спросил:

– Кто пошел за врачом?

– Селия звонила по телефону, – ответили мне.

Продолжая стоять на коленях, я отвернулся от Фэйт и бросил взгляд на свои наручные часы. Пять минут двенадцатого. Она пролежала на полу шесть минут. На ее губах появилась пена, взор остекленел, а шея сделалась твердой как камень. Пару минут я внимательно следил за ней, игнорируя все вопросы, потом взял ее за руку и сильно надавил на ноготь среднего пальца. На ногте остался белый след, который не пропал и спустя тридцать секунд.

Я встал и повернулся к Роберту Робилотти:

– Мне позвонить в полицию или вы сами справитесь?

– В полицию? – переспросил он растерянно.

– Верно. Она мертва. Я побуду тут, а вы звоните, немедленно.

– Нет! – встряла миссис Робилотти. – Врач скоро придет. И я здесь распоряжаюсь. Я позвоню в полицию, когда сочту необходимым.

Я разозлился. Зря, конечно: злиться в малоприятных ситуациях – всегда ошибка, особенно злиться на себя, но сдержаться я не смог. Не больше получаса назад я уговорил Роуз предоставить все мне: мол, я прослежу, чтобы ничего не случилось. Вот и проследил, называется. Я огляделся. Ничье лицо, ни мужское, ни женское, не сулило надежд. Муж и сын, две гостьи, дворецкий, три кавалера – никто из них, судя по всему, не рисковал возражать миссис Робилотти. Селия отсутствовала. Роуз стерегла сумочку Фэйт. Тут я заметил дирижера, широкоплечего парня с крепкой челюстью, который стоял спиной к оркестровой нише и спокойно взирал на суету вокруг. Я окликнул его:

– Моя фамилия Гудвин. А ваша?

– Джонсон.

– Скажите, мистер Джонсон, вам охота застрять здесь на всю ночь?

– Нет.

– Мне тоже. Я считаю, что эту женщину убили. Если полиция придет к тому же выводу, вы знаете, что это означа-

ет. Поэтому чем скорее они придут, тем лучше для всех. Я лицензированный частный детектив и не могу отойти от тела. В холле я видел телефон на стойке. Позвоните вот по этому номеру. – Я продиктовал цифры.

– Хорошо. – Он направился к арке.

Миссис Робилотти громко приказала ему остановиться и двинулась было наперерез, но он легко ее обошел, не ввязываясь в пререкания, и тогда она обратилась к мужчинам:

– Робби! Сесил! Задержите его!

Те никак не отреагировали, и она накинулась на меня:

– Вон из моего дома!

– Я бы с удовольствием, – честно ответил я. – Но если я уйду, копы скоро доставят меня обратно. Никто не покинет ваш дом в ближайшее время.

Муж взял миссис Робилотти под руку:

– Не надо, Луиза. Жуткая трагедия, да, но не надо спорить. Прошу, сядь и успокойся. – Он обернулся ко мне. – С чего вы взяли, что ее убили? Почему вы так сказали?

Пол Шустер, многообещающий молодой юрист, добавил:

– Я собирался спросить то же самое, Гудвин. Она носила яд в сумочке.

– Откуда вам это известно?

– Мне рассказала мисс Варр.

– А я узнал от другой гостьи. Вот почему я поручил мисс Таттл охранять сумку. Я уверен, что Фэйт Ашер убили, но объяснения приберегу для полиции. Вы пока можете...

В комнату вбежала Селия Грантэм с криком «Как она?» – и умолкла, уставившись на бездыханное тело Фэйт Ашер.

– Господи боже! – прошептала она, схватила меня за руку и воскликнула: – Почему вы ничего не делаете?! – Потом оглядела музыкальную гостиную, губы у нее задрожали, и я осторожно взял ее за плечи и помог отвернуться. – Спасибо... Мой бог, она такая красавица, даже в смерти...

– Верно. Вы вызвали врача?

– Да, он едет. Нашего я не застала, пришлось звонить... Но зачем врач, если она мертва?

– Никто не считается мертвым, пока врач не подтвердит смерть. Таков закон. – Другие гости снова загомонили, и я повернулся к ним и повысил голос: – Дайте отдых ногам, вокруг полно свободных стульев, но прошу держаться подальше от стула с сумкой. Если захотите выйти из гостиной, я не смогу вас остановить, но лучше послушайте моего совета и оставайтесь тут. Полиция может сделать неверные выводы, и вам придется отвечать на лишние вопросы. – Прозвенел дверной звонок, и Хэкетт сделал было шаг, но я крикнул: – Нет, Хэкетт, вы теперь один из нас. Мистер Джонсон сам откроет.

Так и вышло. Звука открывающейся двери мы не услышали, поскольку двери в особняках нынче распахиваются беззвучно, зато снизу донеслись голоса, и все, кто был в гостиной, повернулись к арке. Сквозь нее прошествовали двое полицейских в форме. Они четко встали рядом, и один позвал:

- Мистер Роберт Робилотти?
- Это я, – откликнулся Роберт.
- Это ваш дом? Нас вызвали...
- Нет, – перебила миссис Робилотти. – Это мой дом.

Глава 4

Когда в двенадцать минут восьмого утром в среду я поднялся по семи ступенькам на крыльцо старого особняка из бурого песчаника и вошел внутрь, настроение было никудашным. Я совсем было собрался швырнуть пальто и шляпу на скамейку в прихожей, но воспитание победило, и я повесил пальто на вешалку, шляпу положил на полку и двинулся в кухню.

Фриц, стоявший у холодильника, обернулся и застыл, разглядывая меня; дверца холодильника осталась открытой.

– Се грядет! – провозгласил он.

По его собственным словам, эту фразу он накрепко запомнил из англо-французского словаря, который штудировал много лет назад, как перевод слова «voilà»³.

– Хочу кварту апельсинового сока, сосиски, яичницу из шести яиц, два десятка блинчиков и галлон кофе, – объявил я.

– А как насчет пончиков с медом?

– Годится. Просто забыл назвать. – Я со стоном плюхнулся на стул, который обыкновенно занимал за завтраком. – Кстати, по поводу яиц. Если хочешь обзавестись другом, который никогда тебя не предаст, сделай мне гигантский омлет

³ Восклицание со множеством значений, одно из которых архаичное, восходящее к Библии «Се грядет (муж честный)» (*фр.*).

с порцией... Нет, это займет слишком много времени. Просто приготовь яичницу, ладно?

– Ни за что, это против моих правил. – Он помешал тесто в миске. – Скверная ночка выдалась?

– Угу. Убийство и все, что прилагается.

– О! Какой ужас! Значит, появился клиент?

Я не притязаю на то, чтобы понимать отношение Фрица к убийствам. Он их осуждает. Даже мысль о том, что одно человеческое существо лишает жизни другое, для него невыносима. Он сам мне об этом говорил и был предельно искренен. При этом он никогда не проявлял ни малейшего интереса к подробностям, не интересовался хотя бы тем, кто жертва, а кто убийца. Если я пытался с ним поделиться, он мгновенно начинал скучать. Помимо признания того факта, что очередной человек совершил нечто невообразимое, Фрица заботило только одно: нашелся ли у нас новый клиент.

– Нет, не появился.

– Раз ты был там, думаю, появится. Тебя что, не кормили?

– Нет. Три часа назад в офисе окружного прокурора мне предложили сэндвич, но мой желудок возмутился. Он, видите ли, предпочитает пищу, которая не просится наружу. – (Фриц вручил мне стакан с апельсиновым соком.) – Большое-пребольшое спасибо, старина. А сосиски пахнут просто чудесно.

Фриц не любит болтать или слушать, когда готовит, пусть даже всего-навсего варит сосиски, поэтому я взял со стола

свежий номер «Таймс» и стал просматривать газету. Чтобы убийство попало на первую полосу «Таймс», оно должно быть из ряда вон выходящим, однако ночное событие отвечало этому условию, поскольку произошло во время знаменитого ежегодного приема для матерей-одиночек в доме миссис Роберт Робилотти. Ну да, вон целых три колонки в нижней части полосы и продолжение статьи на странице 23. Правда, в детали репортер не вдавался – преступление ведь случилось поздно ночью; фотографий тоже не было, моей в том числе. Закончив чтение, я бросил газету на стойку для прессы и нацелился на сосиску с блинчиком.

На двух яйцах пашот под четвертый блинчик зазвонил домашний телефон. Я снял трубку, пожелал собеседнику доброго утра и услышал голос Вулфа:

– Итак, ты дома. Когда ты вернулся?

– Полчаса назад. Сейчас завтракаю. Полагаю, в новостном выпуске в полвосьмого уже передавали?

– Верно, я только что прослушал новости. Как тебе известно, я не терплю слово «выпуск». Обязательно его употреблять?

– Поправка. Будем считать, что сообщили в полвосьмого по радио. У меня нет желания с вами спорить, а то блинчики остынут.

– Поднимись ко мне, когда наешься.

Я подтвердил, что понял. Когда я повесил трубку, Фриц уточнил, в каком настроении Вулф, но я ответил, что не знаю

и что мне плевать. Честно говоря, я продолжал злиться на себя.

Заканчивать с завтраком я не спешил, выпил три чашки кофе вместо обычных двух и допивал последние глотки, когда Фриц вернулся сверху с подносом, на котором относил еду Вулфу. Я поставил чашку на стол, встал, с зевком потянулся, вышел в прихожую, неспешно поднялся по лестнице, свернул налево, постучал в дверь и вошел, когда мне разрешили.

В дверном проеме я моргнул. Утреннее солнце щедро заливало комнату светом и отражалось бликами от просторной желтой пижамы Вулфа. Он, босой, восседал за столом у окна и поглощал свежие фиги со сливками. Ну да, когда я перечислял потребности нашего хозяйства и необходимые расходы, мне следовало еще упомянуть свежие фиги в марте, доставленные по воздуху из Чили.

Вулф бросил на меня взгляд:

– Ты какой-то неприбранный.

– Так точно, сэр. А также недовольный и не выспавшийся.

По радио сказали, что жертву убили?

– Нет. Сообщили, что она умерла от яда и что полиция ведет расследование. Твое имя не назвали. Ты был замешан?

– По самые уши. Ее подруга поведала мне, что девушка носит в сумочке флакон с цианидом, и потому я за ней присматривал. Мы находились вместе в гостиной, танцевали, вся дюжина гостей, не считая дворецкого и музыкантов.

Один мужчина поднес ей бокал с шампанским, она пригубила, а через восемь минут умерла. Подтвердили, что это цианид, и по тому, как яд подействовал, понятно, что его растворили в шампанском, но сделал это кто-то другой, не она сама. Я наблюдал за ней и первым готов утверждать, что она ни при чем. Большинству гостей – может, и вообще всем – очень хочется, чтобы это было самоубийство. Миссис Робилотти попробовала меня окоротить, кое-кто из гостей был не против ей помочь. Самоубийство на вечеринке в ее доме уже достаточно скверно, а если докажут, что это было убийство... Короче, я замешан.

Вулф проглотил кусок фиги.

– Действительно. Полагаю, ты проявил благоразумие и воздержался от преждевременных выводов для полиции.

Я оценил его великодушие: он не стал критиковать ни мою наблюдательность, ни остроту зрения. В том состоянии, в каком я пребывал этим утром, подобное отношение дорогого стоило.

– Конечно, я сделал кое-какие выводы. Но пришлось признать, что мне заранее сообщили насчет цианида в ее сумочке, и поделиться этим знанием, поскольку девушка, которая это рассказала, не стала бы запираяться перед полицейскими, следовательно, Кремер, Стеббинс и Роуклифф обоснованно исходили бы из того, что я был настороже. Но я, разумеется, не сказал им прямо, что да, я наблюдал за этой девицей и ее сумочкой, что смотрел на нее, когда Грантэм поднес ей шам-

панское и она отпила из бокала, что она могла, наконец, подсыпать себе что-то в бокал заблаговременно, хотя сам этого не видел.

– Маловероятно, – согласился он. Покончив с фигами, Вулф приступил к закуске из яиц пашот с сосисками в горшочке. – Итак, ты был на месте преступления. Подозреваю, выгодное предложение нам вряд ли поступит.

– Не думаю. Во всяком случае, не от миссис Робилотти.

– Что ж... – Он сунул булочку в тостер. – Напомнить тебе мой вчерашний совет?

– Я и так его помню. Вы сказали, что я принижаю себя. Но не предупредили, что я окажусь замешанным в невыгодное расследование убийства. Ладно, чеки обналичу сегодня...

Вулф отправил меня отсыпаться, но я возразил: мол, если я лягу, то меня не разбудит и старт управляемой ракеты.

Душ, бритье, чистка зубов, свежие рубашка и носки, прогулка до банка и обратно – после всего перечисленного я начал думать, что как-нибудь переживу этот день. Для похода в банк нашлись сразу три причины: во-первых, люди смертны, и, если тот, кто выписал чек, умрет раньше, чем я побываю в банке, денег нам не видать; во-вторых, хотелось подышать воздухом; в-третьих, в офисе окружного прокурора мне велели никуда не отлучаться, но я намеревался воспользоваться своим конституционным правом на свободу передвижений. Обошлось без скандала. Когда я вернулся, Фриц сказал, что звонил только Лон Коэн из «Газетт».

За минувшие годы Лон нередко оказывал нам разные услуги, кроме того, он нравился мне чисто по-человечески, так что я перезвонил ему. Он, естественно, желал узнать от очевидца подробности последних часов жизни Фэйт Ашер, и я сказал, что подумаю и свяжусь снова. Он предложил за мой рассказ пятьсот баксов – не для Ниро Вулфа, а конкретно для меня, ведь я присутствовал на вечеринке не по работе; попытался надавить на меня – журналисты всегда давят, – но я осадил его. Спору нет, наживка шикарная, пятьсот долларов и мой портрет в газете, однако придется ведь откровенничать, а если я расскажу, как все было, если выяснится, что мое упорство – единственная причина усматривать в случившемся убийство, а не самоубийство, на меня набросятся весь белый свет, от окружного прокурора до дворецкого. С немалым сожалением я решил, что отвергну щедрое предложение Лона, и тут телефон зазвонил. Я снял трубку и услышал голосок Селии Грантэм. Первым делом она спросила, один ли я. Я ответил, что да, но ровно через шесть минут Вулф спустится из оранжереи.

– Уйма времени, я уложусь быстрее. – Ее голос был хриплым, быть может от выпивки; с другой стороны, все мы, включая меня, очень много говорили за последние двенадцать часов. – Хочу задать тебе один вопрос. Ты не против?

– Спрашивай.

– Вчера ночью ты кое-что сказал, пока я бегала звонить врачу. Моя мать говорит, что, с твоих слов, Фэйт Ашер уби-

ли. Ты правда так сказал?

– Да.

– Почему? С чего ты взял? Это мой вопрос.

– Потому что я так думаю.

– Прошу, Арчи, не надо умничать. Почему ты так подумал?

– У меня не было оснований думать иначе. Обстоятельства вынуждали. Если сочтешь, что я уклоняюсь от ответа, то ты права. Я бы с радостью все изложил девушке, которая так здорово танцует, но не могу. Сейчас точно не могу. Извини, но на твой вопрос я не отвечаю.

– Ты по-прежнему считаешь, что ее убили?

– Да.

– Но почему?!

Обычно я не обрываю разговор, вешая трубку, однако могло бы дойти и этого, не осознай Селия наконец, что толку от ее расспросов не будет. Мы попрощались в тот миг, когда лифт Вулфа остановился на нижнем этаже. Вулф вошел в кабинет, пересек его, уселся за свой стол, разместился со всеми доступными удобствами, просмотрел почту, глянул на перекидной календарь и откинулся на спинку кресла, читая трехстраничное письмо от охотника за орхидеями из Новой Гвинеи. Он дошел до третьей страницы, когда прозвенел дверной звонок. Я поднялся, вышел в прихожую, различил сквозь одностороннюю стеклянную панель коренастую фигуру и круглое красное лицо, после чего отпер дверь.

– Господь всемогущий, вы что, никогда не спите?

– Бывает иногда, – ответил гость, переступая порог.

Я взял у него пальто, чтобы повесить, и сказал:

– Какая честь, вы ведь пришли навестить меня. А почему просто не вызвали к себе... Кремер?

Он было направился в кабинет, но то, что я назвал его просто «Кремер», а не «инспектор Кремер», настолько изумило полицейского, что он застыл в полном недоумении.

– Ну почему вы не желаете ничему учиться? – требовательно спросил я. – Вам же чертовски хорошо известно, что он терпеть не может вторжений, даже ваших – или ваших в особенности, – но вы все не унимаетесь. Разве вам не я нужен?

– Да, ты, но я хочу, чтобы и он послушал.

– Это очевидно, иначе вы послали бы за мной, а не топали сюда. Если вам будет угодно...

Меня прервал рык Вулфа:

– Да чтоб вас, идите сюда оба!

Кремер развернулся и пошел на зов, я последовал за ним.

Вулф приветствовал нас хмурым взглядом:

– Я не могу читать корреспонденцию в таком шуме.

Кремер занял свое обычное место – красное кожаное кресло в торце стола Вулфа.

– Я пришел к Гудвину, но...

– Я слышал ваши объяснения в прихожей. Желаете прояснить меня? Для этого я вам понадобился?

Инспектор вздохнул:

– В тот день, когда я и вправду попытаюсь вас просветить, меня отправят в сумасшедший дом. Просто я помню, что Гудвин – ваш человек, и счел за лучшее обрисовать вам ситуацию. А разумнее всего это сделать за разговором с ним в вашем присутствии. Согласны?

– Не исключено. Я отвечу, когда послушаю вашу беседу.

Кремер вонзил в меня пристальный взгляд своих серых глаз:

– Не пугайся, Гудвин, я не собираюсь возвращаться к самому началу. Тебя я допрашивал дважды и твои показания тоже читал. Меня интересует лишь одно, крайне важное обстоятельство. Для начала я скажу кое-что, не подлежащее распространению далее. Показания всех остальных никоим образом не опровергают версию о самоубийстве. Понял? Более того, налицо множество улик, которые в совокупности делают эту версию крайне убедительной. Короче, если бы не ты, все давно признали бы смерть жертвы самоубийством, и кажется – кажется, подчеркиваю, – что именно таков будет окончательный вердикт. Догадываешься, к чему я клоню?

– Ага, – кивнул я. – Я как муха в супе. Мне это нравится не больше вашего. Спросите у мух, каково им в супе, особенно в горячем.

Инспектор достал из кармана сигару, покатав в ладонях, сунул между зубами, белыми и ровными, и извлек обратно.

– Все-таки начну сначала, – заявил он. – Ты там был, ко-

гда все случилось. Я помню твой рассказ, и в показаниях ты сообщил, что тебе позвонил Остин Байн, а за ним – миссис Робилотти. Так и было, разумеется. Когда ты сообщаешь то, что можно проверить, твои слова всегда подтверждаются. Но что, если ты или Вулф причастны к преступлению? Зная Вулфа и зная тебя, я должен учесть возможность того, что ты хотел попасть на прием – или Вулф захотел, чтобы ты там был, – и все устроили нужным образом. Какие оправдания у тебя есть?

– Прошу прощения. – Я широко зевнул. – Могу просто ответить, что это глупость, но давайте чуть подробнее разжую. Зачем и как я попал на прием, объясняется в моих показаниях. Уверяю вас, там ничего не упущено. Мистер Вулф отговаривал меня от приема на том основании, что участием в этом сборище я себя унижаю.

– Никто из присутствовавших не являлся или не является клиентом Вулфа?

– Миссис Робилотти обращалась к нам пару лет назад. Мы завершили расследование за девять дней. Кроме нее, никто. Кремер посмотрел на Вулфа:

– Подтверждаете?

– Да. Это неуместный вопрос, мистер Кремер.

– С вами и Гудвином поди сообрази, что уместно, а что – нет. – Кремер снова развернулся ко мне. – Позволь рассказать, что мы выяснили на данный момент. Первое – это цианид, никаких сомнений. Второе – яд был в шампанском, его

следы нашли на полу, куда пролилось вино из упавшего бокала; да и скорость, с какой он подействовал, говорит в пользу такой версии. Третье – маленький пластмассовый флакончик в сумке жертвы оказался наполовину забит кусочками цианида натрия. В лаборатории написали «аморфные объекты», но я говорю по-простому – кусочки. Четвертое – жертва показывала этот флакон разным людям и говорила, что желает покончить с собой. Так продолжалось больше года. – Инспектор поерзал в кресле. Он всегда садился лицом к Вулфу, но сейчас смотрел на меня. – Поскольку сумка лежала на стуле в пятнадцати футах от жертвы, а флакон был внутри, она не могла взять кусочек оттуда, когда Грантэм принес ей шампанское или прямо перед этим, зато могла достать отраву заранее и добрый час прятать ее, допустим, в носовом платке. Проверить платок на следы яда, увы, невозможно, потому что жертва уронила его в пролитое шампанское. Точнее, проверить-то можно, но бесполезно. Такова картина самоубийства. Ты видишь в ней какие-либо изъяны?

– Нет, конечно же. – Я подавил зевок. – Вы описали все просто идеально. Я не утверждал, что она не могла совершить самоубийство, а лишь сказал, что она этого не делала. Когда она приняла бокал от Грантэма правой рукой, ее левая рука покоилась на коленях, и она эту руку не поднимала. Бокал она взяла за ножку, а когда Грантэм поднял свой и что-то сказал, приподняла чуть выше рта, потом опустила и отпила. Инспектор, а вы не прячете в рукаве туза? Может,

Грантэм заявил, что, когда он передавал ей бокал, она бросила что-то в вино?

– Нет. По его словам, она могла подсыпать какой-то порошок в вино прежде, чем отпить. Но это лишь догадка.

– Я утверждаю, что она этого не делала.

– Помню. Я же читал твои показания. – Он ткнул в мою сторону сигарой. – Послушай, Гудвин, ты признаешь, что в картине самоубийства нет изъяснов, но что насчет картины убийства? Сумка лежала на стуле, все ее видели. Неужели кто-то подошел, раскрыл ее, достал флакон, отвернул крышку, вытряхнул кусок отравы, снова завернул крышку и сунул флакон внутрь сумки, а потом взял и удалился? Для этого, знаешь ли, требуются железные нервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.